

Откликаться на горе, сочувствовать угнетенным, желать всеобщего блага — эти задачи ставил перед писателями и Радищев. Но если для Радищева несовместимость всеобщего блага с эксплуатацией человека человеком была математической истиной, то Карамзин считал неравенство неизбежным условием существования общества. Радищев видел задачу писателя в борьбе за уничтожение действительного источника страдания миллионов, Карамзин — в утешении и примирении. И потому один открывает глаза людям, показывая страшную жизнь самодержавно-крепостнической России, другой сводит объект искусства к изображению прекрасного. Искусство «должно заниматься одним изящным, изображать красоту, гармонию, и распространять в области чувствительного приятные впечатления» (7, 19).

Положение, высказанное в указанной статье вскользь, несколько варьируясь, повторяется в других произведениях и является основополагающим для эстетики Карамзина. Оно прямо повторяет эстетические принципы М. Н. Муравьева, заявлявшего, что главной задачей искусства является выявить «красоту, разную в творениях природы и деяниях человеческих», а литература «ставит себе в предмет совершенство красоты нравственной или умственной (la beau idéal)». ¹⁰ «Красота... единственно есть предмет искусства», — провозглашали издатели журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований». ¹¹

Голос Карамзина вплетался в общий хор, но был слышнее других. Признание, что предметом искусства должно быть только прекрасное, является осью, краеугольным камнем, на котором зиждется эстетика 90-х годов. За призрачную тень красоты прятались все, кого страшила жизнь, кто был свидетелем крестьянских волнений 90-х годов, якобинского террора во Франции, усиливающегося гнета абсолютизма последних лет царствования Екатерины II и Павла I. Борьба за право отражения в искусстве только прекрасного уводила от противоречий действительности, именуемых «грязью», «нечистотой», противостояла реалистическим тенденциям и идее непосредственного гражданского служения литературы и искусства. Но Карамзин требовал от писателей служения всеобщему благу. Как совместить эти требования? Противоречия в них нет, ибо красота для Карамзина, как и Муравьева, сама по себе добро и благо: она противостоит корысти, жестокости, смягчает души и сердца. Человек с развитым эстетическим чувством не соблазнится богатством, его не ослепит тщеславие, он не причинит страданий другому.

Когда Муравьев, а за ним Карамзин ставят знак равенства между красотой и добром, они повторяют одно из основных поло-

¹⁰ М. Н. Муравьев, Полное собрание сочинений, ч. III, СПб., 1820, стр. 31 и 127.

¹¹ «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. IV, стр. 186.